

Система патроната имела огромное значение в идейной пропаганде феодалов. Феодальная „защита“ (патронат) позволяла феодалам собирать вокруг себя силы, противостоящие общине, выделившиеся из нее. С этим связаны проповедававшиеся в литературе (в частности церковной) того времени идеи „милосердия“ — особенно важные в системе феодального мировоззрения. Идеи „человеколюбия“ приобретали в церковных проповедях этого времени совсем особую политическую окраску, не легко различимую под общецерковной фразеологией.

Призывы не обидеть „сирот и вдов“, идеи княжеской „защиты“ „малых“ от „сильных“ присущи в первую очередь литературе церковной. „Значение патроната как способа расширения круга зависимых и подвластных людей было прекрасно осознано церковью. Она добилась от князей признания за ней права осуществлять свою юрисдикцию над теми группами, которые находились в особой связи с ней в силу экономических и служебных отношений... церковь в особенности стала развивать патронат над так называемой *personae miserabiles*, различного рода выкинутыми из жизненной колеи элементами“.¹ В церковной литературе XI—XIII веков постоянны призывы к „милосердию“ и проповедь идей патроната. Климент Смолятич осуждает „славы хотящих, иже прилагают дом к дому, и села к селом, изгои же и сябры, и борти, и пожни, лядя же и старины“.²

Серапион Владимирский говорит, что сильные люди „имения не насыщаются“, но и свободные сироты поработают и продают.³ Епископ Тверской (XIII век) пишет в поучении: „Но глаголю вам, царем и князем и наместникам: утешайте скорбящих, избавляйте убогих от рук сильных: сии бо от богатых обидими суть“.⁴

Церковь и церковная литература были главными проповедниками идей патроната, так как по самому существу своему церковь служила средством идейного воздействия на массы, а не принуждения — подобно государству.

Вместе с церковью и светская литература выступала за умеренную и планомерно вводимую эксплуатацию в рамках патроната — „защиты“ сирот-крестьян. Это очень ярко сказалось в известном предисловии к Начальному своду. Автор этого предисловия выступает против „несытства“ современных ему феодалов за легкую дань и „уроки“ без всякого насилия: „Ему же дань, то дань; ему же урок, то урок; никому же насилья творяще“.⁵

В исследованиях историков литературы эти постоянные призывы в литературе XI—XIII веков, составляющие самую суть идеологической пропаганды через литературу внутренней политики феодалов, воспринимались отчасти как направленные против интересов феодалов. С этой точки зрения авторы — церковные и светские — этого времени казались людьми, стоящими на внеклассовых позициях, во всяком случае не на позициях феодалов. Однако в действительности пропаганда патроната была направлена в первую очередь на укрепление феодального строя, на „добровольную“ организацию зависимого населения, на поработение

¹ С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 306.

² Н. К. Никольский. О литературных трудах Климента Смолятича. СПб., 1892, стр. 104.

³ Е. В. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888, стр. 9.

⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV. СПб., 1818, 2-е изд., прим. 178.

⁵ Новгородская первая летопись. СПб., 1888, стр. 2.